

Идейные предшественники евразийцев о России как особом культурно-цивилизационном мире

П. Я. Циткилов

Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Для цитирования: Циткилов П. Я. Идейные предшественники евразийцев о России как особом культурно-цивилизационном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 492–503. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.307>

Научное осмысление проблемы культурно-цивилизационной судьбы России во многом актуально по причине евразийского цивилизационного надлома, произошедшего на территории нашего большого Отечества в конце XX в. В настоящее время ощущается потребность в проекте, способном ускорить интеграционные процессы на территории северо-востока Евразии. Для этого необходимо обращение к интеллектуальному наследию видных российских мыслителей, включая идейных предшественников классиков евразийства. Используя историко-философскую методологию, методологию цивилизационных теорий, автор статьи обосновывает вывод о научной значимости как самой евразийской цивилизационной концепции, так и идей крупных мыслителей — предшественников исторических евразийцев. Элементы новизны содержит авторская критика двух сомнительных позиций в освещении вопроса об идейных предшественниках евразийцев. Обоснован вывод, что идейными предшественниками евразийцев были мыслители различной мировоззренческой направленности — от славянофилов, почвенников, консерваторов-монархистов до экзистенциалистов, сторонников православного социализма. Научную новизну содержит и авторское суждение о том, что классическим евразийцам удалось преодолеть исключительность великорусского и ограниченность славянского характера цивилизационной идентичности России, содержащуюся в работах их предшественников. При определении идейных предшественников евразийцев учитывался классический концепт последних, а не обновленческо-кламарская вариация этого движения. Благодаря влиянию идей предшественников классическим евразийцам удалось разработать целостную концепцию культурной принадлежности нашей страны. В основе ее лежит суждение о России-Евразии как цивилизационном континенте, равноправном Европе. Осмысление евразийской концепции приобретает особую значимость в связи с объективной потребностью в выработке социального проекта цивилизационного возрождения России.

Ключевые слова: северо-восток Евразии, цивилизационная идентичность, классические евразийцы, идейные предшественники евразийцев.

Введение

Перспективы цивилизационного развития России во многом зависят от осознания нашим народом своей исторической судьбы и культурной самости. Данная проблема *актуализируется* объективной необходимостью российского общества, как это предвидели некоторые современные российские философы, «выдержать

современное и тем более ожидаемое в ближайшей перспективе идейно-политическое и культурно-цивилизационное противостояние» [1, с. 12]. Последние события военной операции России на Украине подтвердили этот социальный прогноз, усилив в мировоззренческом отношении значимость осмысления интеллектуального наследия российских мыслителей, включая идейных предшественников классиков евразийства, отстаивающих самобытность развития большого нашего Отечества. Их анализ является целью данного исследования.

Историческое евразийство как мировоззренческий концепт и общественное движение получило свое организационное оформление в 1921 г. в среде ученых российского зарубежья. В 1924 г. в Вене был образован руководящий орган движения — Евразийский совет, который возглавил князь Н. С. Трубецкой. Главным кадровым центром евразийской организации стал пражский ее отдел во главе с П. Н. Савицким. Лидеры классического евразийства Трубецкой и Савицкий формировали свои воззрения под влиянием крупных мыслителей, философов, ставших их предшественниками. Обращение к интеллектуальному наследию идейных предшественников классиков евразийства необходимо для разработки нового проекта, направленного на возрождение культурно-цивилизационной общности северо-востока Евразии.

Дискуссионный характер вопроса об идейных предшественниках классических евразийцев

При осмыслении проблемы идейных предшественников классических евразийцев можно выделить две небесспорные позиции. В соответствии с первой предшественниками евразийства были мыслители религиозные (славянофилы) и нерелигиозные (А. И. Герцен). Такой подход не только сужает спектр научной и мировоззренческой мысли, которая получила свое развитие в трудах, концепции классического евразийства, но и затрудняет включение в данную классификационную схему многих из числа их идейных предшественников. В частности, в нее трудно уместить идеи Ф. М. Достоевского. Их не уложишь в упрощенный подход — религиозный или нерелигиозный. Религиозность занимала важную сторону литературного и философского творчества Достоевского, однако в полной мере религиозным мыслителем он не стал. По этому поводу философ Вл. Соловьев писал, что «Достоевский горячо верил в существование религии и нередко рассматривал ее в подзорную трубу, как отдаленный предмет, но стать на действительно религиозную почву никогда не умел» [2, с. 162]. А философ К. Н. Леонтьев религиозные суждения Достоевского называл недостаточно глубокими, относя их к «розовому» христианству.

Более обоснованной представляется классификация предшественников евразийцев не по упрощенной схеме «религиозные и нерелигиозные мыслители», а по предметно-содержательной стороне их воззрений. В соответствии с таким подходом можно выделить различные направления философской мысли, представители которых были предшественниками евразийцев: *славянофилы и почвенники; монархисты-консерваторы и панслависты; экзистенциалисты, сторонники православного социализма.*

Вторая сомнительная позиция в освещении теоретического наследия идейных предшественников евразийцев заключается в намерении некоторых авторов включать в их число лиц, которые ими на самом деле не были. Для этого искажаются воззрения евразийцев. Им, например, приписывается тезис о туранизме (цивилизационной сопричастности восточного славянства с тюркскими, финно-угорскими и другим туранскими народами северо-востока Евразии) как не о евразийском, общерусском, а исключительно великорусском явлении.

Влияние славянофилов, почвенников и некоторых западников на воззрение классических евразийцев

Славянофилы внесли большой вклад в развитие философской мысли о культурно-исторической судьбе триединого общерусского народа, сплотившего вокруг себя другие этносы общего ареала северо-востока Евразии. Важно подчеркнуть их заслугу в осмыслении специфики культурного облика данного цивилизационного мира. И это признают некоторые современные зарубежные исследователи. По мнению П. Рангсимапорна, евразийство опиралось «на сильные славянофильские тенденции», существовавшие в XIX в. в общественной мысли России [3, р. 23–24].

Славянофилы были последовательными предшественниками евразийцев в отстаивании идеи культурного своеобразия России-Евразии. Хомяков видел историческое преимущество, «выгоды» России перед западной цивилизацией в особой одухотворенности, исповеднической чистоте православия и в миролюбивом, добродушном складе характера ее народа. «На нашей первоначальной истории, — писал он, — не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения» [4, с. 128]. По его мнению, основанием бытовой жизни большинства нашего народа служила его устремленность к сочетанию принципов справедливости и любви взаимной. Россия, как полагал А. С. Хомяков, должна перенимать у Запада его открытия в различных сферах бытия, но недопустимо их слепо копировать. Им необходимо придать более глубокий смысл, увидеть в них «те человеческие начала, которые для Запада остались тайными» [4, с. 128].

Философ и литературный критик Н. Н. Страхов, разделяя взгляды почвенников, в своих научных работах проводил мысль о различиях между европейской и русской цивилизациями. Он полагал, что разными были пути развития и исторические судьбы наших народов. Не без основания Страхов характеризовал европейскую цивилизацию как «заемную и внешнюю», а русскую — потенциально «народную, коренную, здоровую» [5, с. 47]. По его мнению, этот потенциал станет мощной цивилизационной силой, если стране удастся всесторонне развить «элементы духовной жизни русского народа». Без этого Россия будет испытывать «вечное колебание, вечные опасности». Выражением их и явилось отречение значительной части нашей интеллигенции от своей цивилизационной самости путем неустанных попыток доказывать, что мы — свои, мы — европейцы. Страхов по этому поводу писал, что «Европа давно уже отталкивает нас, давно уже смотрит на нас, как на врагов, как на чужих. «Когда-же мы наконец, — восклицал он, — перестанем подольщаться к ней!» [6, с. 53]. Ученый полагал, что российская европеизированная элита тянется за Европой по причине своего тщеславия, слабости и самолюбия. По

его мнению, нам нужно оставаться самими собою. Такие мысли были восприняты и творчески развиты классиками евразийства.

Исторических евразийцев побуждали развивать цивилизационную теорию и некоторые суждения западников. В частности, П. Я. Чаадаев в своих философских письмах прямо указывал, что «мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку» [7, с. 323]. Эту мысль содержательно углубил А. И. Герцен. По его словам, Россия своей исторической судьбой призвана «стать великим караван-сараям цивилизации между Европой и Азией» [8, с. 399]. Конечно, в целом западники не стали идейными предшественниками классических евразийцев. Но отдельные их представители, будучи патриотами своего Отечества, высказывали суждения, близкие к евразийскому цивилизационному концепту.

Монархисты-консерваторы и панслависты как идейные предшественники евразийцев

Основатель теории «официальной народности» С. С. Уваров, являясь знаковой фигурой русского консерватизма, выступал против устремлений представителей отечественных элит европеизировать Россию. Он полагал, что нам не нужно пытаться делать Россию английской, французской или немецкой. «От смешного пристрастия к европейским формам, — отмечал он в 1833 г., — мы вредим собственным учреждениям нашим» [9]. Россия, по его мнению, сохранит свою государственность и величие, если будет оставаться русской по духу страной. Эти суждения во многом были близки классическому евразийству. Известный современный специалист по истории философии, профессор М. А. Маслин, назвал Уварова «первым предъевразийцем» [10, с. 174].

Культурно-историческое своеобразие русского человека в сравнении с европейцем обосновывал и крупный мыслитель второй половины XIX в., монархист К. Н. Леонтьев. Он видел опасность в навязывании нам западноевропейских культурных ценностей рационализма, индивидуализма, чрезмерной расчетливости. Леонтьев полагал, что народ Святой Руси во имя своей культуры с ее духовно-нравственными приоритетами должен всячески дистанцироваться от «общеевропейских вкусов и привычек» [11, с. 436], иначе может произойти трагическое культурно-цивилизационное поглощение нас западным миром.

Близкие к евразийцам идеи высказывал Леонтьев и по вопросу о славянско-туранском облике нашей цивилизации. «Россия, — писал он, — не была и не будет чисто славянскою державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа» [12, с. 247]. Своим глубоким моральным наполнением, открытостью и благородством этот дух притягателен по меньшей мере на просторах всего северо-востока Евразии. Говоря словами Леонтьева, культурно-цивилизационные интересы России носят «какой-то нравственный характер поддержки слабейшего, угнетенного», независимо от территории его проживания.

Значительное воздействие на научные изыскания классических евразийцев оказали труды идеолога панславизма Н. Я. Данилевского. Некоторые зарубежные авторы, включая американского социолога российского происхождения Н. В. Рязановского, утверждают, что евразийцы, занимая положение между славянофилами

и Данилевским, «были ближе к последнему» [13, с. 3–4, 15]. При этом следует отметить, что на евразийцев оказали влияние не идеи Данилевского о локальной, общеславянской цивилизации, а его *концепция культурно-исторических типов*. Она не приемлет универсальности западной теории линейного прогресса общества в виде прямой и спиралевидной эволюции от низшего к высшему уровню состояния. По Данилевскому, национальные культуры развиваются не столько путем изменений в социальных организациях, сколько силой их духовного наполнения и преемственности. Эта мысль во многом была близка видному евразийцу Н. С. Трубецкому, отрицавшему всеобщую нормативность и исключительность европейской культуры. Он полагал, что антирелигиозная государственность, придуманная европейцами, ущербна и противоестественна. По его мнению, высказанному в 1920-е годы, обрести свое подлинное лицо Россия-Евразия сможет только «вернувшись к религии» [14, с. 290]. Без этого невозможно сохранение и наращивание духовного потенциала — основы устойчивости нашей государственности. Ослабление духовности, а как следствие — нравственное перерождение позднесоветских элит стало одним из основных факторов распада в конце XX в. великой союзной державы.

Идеи панславизма разделял географ и славяновед В. И. Ламанский. В книге «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) он обосновал своеобразие России-Евразии как особой цивилизации, впитавшей в себя преимущественно славянские народы вместе с другими, близкими им по исторической судьбе этносами. Он полагал, что важнейшую роль в духовном развитии страны играет православие с его высоким просветительным началом. «Для человечества, — отмечал он, — нет и никогда не будет ничего выше искания царства Божия, царства вечной истины и совершенной любви» [15, с. 110]. Православие, будучи комплементарно исламу и другим традиционным для нашего большого Отечества конфессиями, стало одной из отличительных черт культурного содержания исторической России. Евразийцы усилили эти суждения, выйдя за ограниченные рамки ее славянской цивилизационной идентичности.

Экзистенциальные мыслители о цивилизационном предназначении России

Определенное влияние на воззрение классиков евразийства оказали мыслители экзистенциальной направленности. Одним из них был великий писатель Ф. М. Достоевский. Он, оставаясь на почвеннических позициях, признавая особую миссию России, полагал, что она недостижима без поиска высоких смыслов человеческого существования, обретения внутренней свободы и ответственности личности. В своих философских рассуждениях он пытался осмыслить проблему противоречий между внутренним миром и окружающей действительностью, понять нараставшие в нашей стране во второй половине XIX в. процессы нигилизма, упадка веры. Одну из причин этого он усматривал в подражательстве верхов общества. По его мнению, они безоглядно перенимают все западное как якобы общечеловеческое, относясь с презрением к отечественному, русскому. Но со стороны западноевропейцев это лишь усиливало чувство неуважения к нам. «Все на нас в Европе, — писал Достоевский, — смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением» [16, с. 160].

Писатель полагал, что нужно перестать угодничать перед Западом. Экзистенциальные суждения Достоевского в сочетании с его почвенническим духом были восприняты и развиты евразийцами.

Классическим евразийцам были близки и некоторые важные идеи философа-экзистенциалиста Н. А. Бердяева, являвшегося сторонником персоналистического направления православного социализма. Хотя отдельные современные авторы полагают, что он никогда не был таким сторонником, с этим нельзя согласиться. Так, в своей работе «Царство духа и царство кесаря» он писал, что «надо желать развития и победы религиозного социализма» [17, с. 310]. Для такого социализма определяющей ценностью являлось не материальное благополучие, а духовная свобода личности. Важно и то, что Бердяев предостерегал общество об опасности обуржуазления социализма. Он отмечал, что «социализм должен быть связан с новым, не буржуазным отношением к жизни, с новым, не буржуазным отношением людей» [17, с. 310]. Именно обуржуазление социализма происходило в духовно-нравственном отношении в последний период существования СССР, способствуя его распаду.

Бердяев неоднозначно относился к евразийству. И это вполне естественно, так как неоднозначным было само движение. Важно разделять классическое евразийство Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского и нерелигиозное псевдоевразийство П. П. Сувчинского, Д. П. Святополк-Мирского, С. Я. Эфрона. Не случайно Трубецкой и некоторые другие классики евразийства в конце 1928 г., после известного кламарского раскола, вышли из евразийского движения, которое стало приобретать иной, обновленческий характер. В данной статье речь идет о предшественниках именно классических евразийцев, строивших свой концепт на основе религиозно-духовного начала.

Критика со стороны Бердяева евразийства за устремленность к созданию идеократического государства, призванного «взять на себя организацию всей жизни, т. е. организацию всей культуры, мышления, творчества, организацию и душ человеческих, что есть задача Церкви» [18, с. 142–143], справедлива лишь для кламарских «евразийцев», ведь Трубецкой и Савицкий не мыслили будущего России-Евразии без религиозного ее возрождения.

В понимании евразийских классиков модель идеократического государства не противоречила ни свободе мысли и творчества, ни религиозной духовности. Как справедливо писал западноевропейский исследователь Штефан Видеркер, идеократия в воззрениях евразийцев базировалась на православном христианстве [19, с. 144]. И такая оценка справедлива.

В понимании исторических евразийцев быть идеократической личностью значило *хранить верность идее* религиозного творчества, идеалам культуры народов северо-востока Евразии, объединенных «общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства» [20, с. 521]. Сами по себе эти благие процессы не могли успешно развиваться без соответствующей государственной политики. По мнению Трубецкого, средствами ее могли стать «плановое хозяйство и регулирование культуры». Как свидетельствует трагедия распада Советского Союза, отказ от государственного регулирования культурной и информационной деятельности в направлении укрепления духовного, межэтнического единства евразийской общности подстегнул сепаратистские тенденции в союзном государстве.

Н. А. Бердяев в воззрении евразийцев видел и общие стороны со своей философской концепцией. Они, в частности, заключались в устремленности к свободе духа на религиозной основе. Бердяев прямо писал, что в евразийском учении, в его катехизисе, «есть немало верных мыслей, заслуживающих полного сочувствия», и «много схожего с мыслями, которые я развивал» [18, с. 141]. Такая схожесть не была формальной, так как, по признанию философа, охватывала многие мировоззренческие аспекты. «Положительную заслугу евразийцев, — продолжал он, — нужно видеть прежде всего в том, что они поддерживают достоинство России и русского народа в эпоху, когда русские, почитающие себя патриотами, его унижают» [18, с. 144]. Эти слова опровергают мнение авторов, считающих ошибочным тезис о влиянии Бердяева на евразийцев.

Известно, что устремленность к миру Духа была одной из основ философской концепции Бердяева. Также и евразийский мыслитель Трубецкой поиск грядущего идеала видел «не в совершенном законодательстве, а в духе» [21, с. 366]. Это свидетельствует о близости их мировоззренческих подходов.

Бердяев определял российский цивилизационный облик своеобразным синтезом европейской и азиатской культурных традиций. В очерке «Душа России» (1915) он писал, что наша страна занимает место «посредника между Востоком и Западом», она является «Востоко-Западом, соединителем двух миров» [22, с. 306, 308]. Бердяев полагал, что у нас, по сравнению с Западом, иная направленность ценностного восприятия. «Вся духовная энергия русского человека, — отмечал философ, — была направлена на единую мысль о спасении, о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира» [23]. По его мнению, «душа России — не буржуазная душа», она не склоняется перед золотым тельцом. Эти мысли получили развитие в трудах классиков евразийства.

Н. С. Трубецкой, разделяя суждения Бердяева, считал, что русско-евразийская культура иная, нежели западная, европейская. В основе нашей культурной традиции лежит духовный компонент, говоря словами Трубецкого, «религиозная стихия» [14, с. 290], а также особая этническая терпимость народа, его устремленность жить по справедливости, совести, а не за деньги. Западную же культуру, по мнению классика евразийства, отличает, *во-первых*, «культурно-экономический материализм» с его ценностной установкой на индивидуализм, накопительство, а *во-вторых*, «лженациональное тщеславие» [14, с. 285]. Исторически это побуждало многие западные элиты воспринимать свою цивилизацию как нечто исключительное и нормативное для других стран и народов.

Общерусское понимание туранизма как фактор евразийской идентичности

Вторым сомнительным суждением ряда современных авторов, освещающих воззрения идейных предшественников евразийцев, является намерение свести евразийский концепт к туранизму исключительно великорусов (туранству москвитов). В результате некоторые из них к числу единомышленников евразийцев отнесли даже откровенного русофоба, польского историка и этнографа Франциска Духинского [24]. В середине XIX в. им проводился тезис о Москве как об «опасном

враге Европы», а сами москвиты (москали) выдавались за «туранское племя, чуждое славянам».

Классические евразийцы относили туранизм к многовековой традиции не только великорусов, но и белорусов, малорусов-украинцев. Как полагал Н. С. Трубецкой, сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт нашей истории. «Туранская кровь (от древних степных кочевников), — писал он, — в значительной мере течет и в жилах малороссов» [25, с. 136]. Следовательно, исторические евразийцы воспринимали туранизм как один из компонентов не великорусского, а общерусского, восточнославянского цивилизационного притяжения, фактором евразийской культурной общности.

Предшественники классического евразийства в определенной мере способствовали формированию целостного характера евразийской доктрины. Однако некоторые западные авторы не приемлют эту доктрину, характеризуя ее как реакционную, экстремистскую (Чарльз Дж. Гальперин [26, р. 477–478, 490–493] и др.). И такой подход не нов. Еще в 1920-е годы Н. С. Трубецкой объяснял подобные суждения тем, что евразийство отвергает исключительность западной, европейской культуры и ее «безапелляционный авторитет» [27, с. 399]. Критика евразийства в научном отношении может быть полезна, если она будет конструктивна и не будет допускать конъюнктурного отрывы отдельных фраз классических евразийцев из общего контекста. Следует учитывать и междисциплинарный характер их учения, включающий в себя философские, социологические, культурологические, исторические, геополитические, этнографические, правоведческие, лингвистические и другие воззрения. Евразийская теория не лишена определенных противоречий, но важно видеть рациональные ее стороны, включая суждения, прошедшие испытание времени.

Заключение

На основе анализа концепции предшественников классического евразийства правомерно сделать некоторые выводы.

Во-первых, системное осмысление рассматриваемой проблемы возможно при сочетании персонифицированного подхода с анализом основных философских направлений близких классическим евразийцам (славянофильство и почвенничество, консервативный монархизм и панславизм, экзистенциализм и православный социализм).

Во-вторых, философское понимание воззрений предшественников евразийцев позволяет лучше разобраться с концепцией классиков евразийства (последние у славянофилов и почвенников восприняли избирательный подход к западной культурно-цивилизационной традиции, видя в ней как сильные, так и слабые стороны. Первые были связаны преимущественно с технологиями, а вторые — с духовно-традиционными аспектами бытия).

В-третьих, изучение экзистенциального направления в среде предшественников евразийства позволило показать, что бердяевская критика идеократического государства справедлива преимущественно для кламарских «евразийцев», но не классиков евразийства.

В-четвертых, воззрения мыслителей, рассмотренные в данной статье, не исчерпывают многообразия представителей философской мысли, суждения которых были близки классикам евразийства. Наш выбор был определен такими обстоятельствами, как мнение на сей счет самих евразийцев, а также соответствие основным философским направлениям, являвшимся в значительной мере идейно схожими с классическим евразийством.

В-пятых, благодаря и влиянию идей предшественников классиков евразийства, последним удалось разработать целостную концепцию культурно-цивилизационной принадлежности нашей страны. В основе ее лежит суждение о России-Евразии как цивилизационном континенте, равноправном Европе.

В-шестых, классические евразийцы сумели преодолеть исключительность великорусского и ограниченность славянского обликов цивилизационной идентичности России, присутствовавшие в трудах некоторых их предшественников.

В-седьмых, исследование рассматриваемой темы приобретает научно обоснованный характер при анализе именно классического евразийства, душой которого были Трубецкой и Савицкий. Его более поздняя, обновленческо-кламарская вариация утратила религиозный стержень учения и по сути превратилась в псевдоевразийство.

В-восьмых, осмысление наследия идейных предшественников классиков евразийства важно для выработки цивилизационного проекта возрождения России и всей территории северо-востока Евразии. Его отсутствие, процессы цивилизационной дезориентации постсоветских народов, активная работа стран Запада по переформатированию общественного сознания (особенно молодежи) стали важными причинами обострения противоречий между Россией и Украиной, перешедших с февраля 2022 г. в вооруженное противостояние.

Изучение теоретического наследия предшественников евразийцев по вопросам культурно-цивилизационной идентичности России позволит сегодняшним поколениям лучше понять не только оригинальность их научных суждений, но и возможные риски на пути развития нашей страны и других государств СНГ, от которых они предостерегали. Предшественники евразийцев были крупными и самодостаточными мыслителями, которые способствовали формированию целостной научной концепции классического евразийства.

Литература

1. Мариносян, Х. Э. (2019), Формирование национальной идентичности — ответ российского государства на вызовы современности, ч. I, *Философские науки*, т. 62. № 1, с. 7–28.
2. Соловьёв, Вл. (1903), Письмо к Леонтьеву К. Н., *Русский вестник*, № 5, с. 155–182.
3. Rangsimaporn, P. (2009), Continuities and Evolution in Russian Perceptions of East Asia, in: *Russia as an Aspiring Great Power in East Asia. St Antony's Series*, London: Palgrave Macmillan, pp. 23–41.
4. Хомяков, А. С. (2002), О старом и новом, в: *Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей*, сост. Васильев, Е. А., предисл. Гулыга, А. В., М.: Айрис-пресс, с. 112–129.
5. Страхов, Н. Н. (2010), Роковой вопрос, в: Страхов, Н. Н., *Борьба с Западом*, сост. и коммент. Белов, А. В., отв. ред. Платонов, О., М.: Институт русской цивилизации, с. 37–50.
6. Страхов, Н. Н. (2010), Письмо в редакцию Московских ведомостей, в: Страхов, Н. Н., *Борьба с Западом*, сост. и коммент. Белов, А. В., отв. ред. Платонов, О., М.: Институт русской цивилизации, с. 50–53.
7. Чаадаев, П. Я. (1991), Первое философское письмо, 1829 г., в: Чаадаев, П. Я., *Полн. собр. соч. и избранные письма*, в 2 т., т. 1, М.: Наука, с. 320–338.

8. Герцен, А. И. (1956), *О развитии революционных идей в России*, в: Герцен, А. И., Соч., в 9 т., т. 3, М.: Гос. изд-во художественной литературы, с. 379–513.
9. Уваров, С. С. (1833), *О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения*. URL: <http://музейреформ.рф/node/13652> (дата обращения: 12.09.2021).
10. Маслин, М. А. (2019), У истоков евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество», *Философский журнал*, т. 12, № 4. с. 161–178.
11. Леонтьев, К. Н. (2017), Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву, в: Леонтьев, К. Н. *Грядущие судьбы России*, М.: Э, с. 423–459.
12. Леонтьев, К. Н. (1994), Панславизм и греки, в: *В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией*, хрестоматия, в 2 ч., сост. Федоровский, Н. Г., ч. 1, М.: Наука, с. 245–248.
13. Riasanovsky, N. V. (1972), *Russia and Asia; essays on the influence of Russia on the Asian peoples*, Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, pp. 3–29.
14. Трубецкой, Н. С. (2000), Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока, в: Трубецкой, Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 223–293.
15. Ламанский, В. И. (1892), *Три мира Азийско-Европейского материка*, СПб.: Типо-хромолит. А. Траншель.
16. Достоевский, Ф. М. (2002), Дневник писателя за январь 1877 г., в: *Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей*, сост. Васильев, Е. А., предисл. Гулыга, А. В., М.: Айрис-пресс, с. 154–162.
17. Бердяев, Н. А. (1995), *Царство Духа и царство Кесаря*, сост. и послесл. Алексеев, П. В., подгот. текста и прим. Медведева, Р. К., М.: Республика, с. 288–356.
18. Бердяев, Н. А. (1927), Утопический этатизм евразийцев, *Путь: печатный орган русской религиозной мысли*, № 8, с. 141–144.
19. Wiederkehr, S. (2007), Die eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland, *Beträge zur Geschichte Osteuropas*, Bd. 39, Köln, Weimar und Wien: Böhlau, pp. 144–145.
20. Трубецкой, Н. С. (2000), Об идее-правительнице идеократического государства, в: Трубецкой, Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 518–525.
21. Трубецкой, Н. С. (2000), У дверей реакция? Революция?, в: Трубецкой, Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 358–366.
22. Бердяев, Н. А. (1992), Душа России, в *Русская идея*, сост. и авт. вступ. статьи Маслин, М. А., М.: Республика, с. 296–312.
23. Бердяев, Н. А. (2022), *Об отношении русских к идеям*. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/ob_otnoшенii_russkikh_k_id/ (дата обращения: 15.01.2022).
24. Каплин, А. (2012), Невспоминаемые предшественники евразийцев и их критики (или еще раз о «мнимом “туранизме” русских»): доклад на конференции «Идеология Евразийского Союза» (Санкт-Петербург, 15 мая 2012 г.), *Русская народная линия*, 28 мая. URL: https://ruskline.ru/analitika/2012/05/29/nevspominaemye_predshestvenniki_evrazijcev_i_ih_kritiki_ili_ewe_raz_o_mnimom_turanizme_russkikh (дата обращения: 07.10.2020).
25. Трубецкой, Н. А. (2000), К проблеме русского самопознания, в: Трубецкой, Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 91–219.
26. Halperin, Ch. J. (1982), George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia, *Slavic Review*, 1982, vol. 41, no. 3, pp. 477–493.
27. Трубецкой, Н. А. (2000), Мы и другие, в: Трубецкой, Н. С., *Наследие Чингисхана*, М.: Аграф, с. 395–411.

Статья поступила в редакцию 2 июня 2022 г.;
рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Циткилов Пётр Яковлевич — д-р ист. наук, проф.; petrcitkilov@yandex.ru

The Ideological Predecessors of the Eurasianists about Russia as a Special Cultural and Civilizational World

P. Ya. Tsitkilov

Southern Federal University,
105/42, Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

For citation: Tsitkilov P. Ya. The Ideological Predecessors of the Eurasianists about Russia as a Special Cultural and Civilizational World. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 3, pp. 492–503. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.307> (In Russian)

The scholarly understanding of the problem of the cultural and civilizational fate of Russia is largely relevant due to the Eurasian civilizational breakdown that occurred on the territory of our great Motherland at the end of the 20th century. Currently, there is a need for a project that can accelerate integration processes in the North-East of Eurasia. This requires an appeal to the intellectual heritage of prominent Russian thinkers, including the ideological predecessors of the classics of Eurasianism. Using the historical and philosophical methodology, the methodology of civilizational theories, the author of the article substantiates the conclusion about the scientific significance of both the Eurasian civilizational concept and the ideas of major thinkers — predecessors of historical Eurasians. Elements of novelty are contained in the author's criticism of two dubious positions in covering the issue of the ideological predecessors of the Eurasians. The conclusion is substantiated that the ideological predecessors of Eurasians were thinkers of various worldview orientations from Slavophiles, soil workers, conservative monarchists to existentialists, supporters of Orthodox Socialism. The research novelty is also contained in the author's judgment that classical Eurasians managed to overcome the exclusiveness of the Great Russian and the limited Slavic nature of Russia's civilizational identity contained in the works of their predecessors. In determining the ideological predecessors of the Eurasians, the classical concept of the latter was taken into account, and not the Renewed-Clamar variation of this movement. Thanks to the influence of the ideas of predecessors, classical Eurasians managed to develop a holistic concept of the cultural belonging of our country. It is based on the judgment of Russia-Eurasia as a civilizational continent of equal Europe. The comprehension of the Eurasian concept acquires special significance in connection with the objective need for the development of a social project for the civilization revival of Russia.

Keywords: Northeast Eurasia, civilizational identity, classical Eurasians, ideological predecessors of Eurasians.

References

1. Marinosian, Kh. E. (2019), The formation of national identity is a response of the Russian state to the challenges of our time, pt. I, *Filosofskie nauki*, vol. 62, no. 1, pp. 7–28. (In Russian)
2. Solov'ev, Vl. (1903), Letter to K. N. Leontyev, *Russkii vestnik*, no. 5, pp. 155–182. (In Russian)
3. Rangsimaporn, P. (2009), Continuities and Evolution in Russian Perceptions of East Asia, in: *Russia as an Aspiring Great Power in East Asia. St Antony's Series*, London: Palgrave Macmillan, pp. 23–41.
4. Khomiakov, A. S. (2002), On the old and the new, in: *Russkaia ideia: Sbornik proizvedenii russkikh myslitelei*, comp. by Vasil'ev, E. A., introd. by Gulyga, A. V., Moscow: Airis-press Publ., pp. 112–129. (In Russian)
5. Strakhov, N. N. (2010), The fatal question, in: Strakhov, N. N., *Bor'ba s Zapadom*, comp. and comment. by Belov, A. V., ed. by Platonov, O., Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ., pp. 37–50. (In Russian)
6. Strakhov, N. N. (2010), Letter to the editors of the Moscow Gazette, in: Strakhov, N. N., *Bor'ba s Zapadom*, comp. and comment. by Belov, A. V., ed. by Platonov, O., Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ., pp. 50–53. (In Russian)
7. Chaadaev, P. Ya. (1991), First Philosophical Writing, 1829, in: Chaadaev, P. Ya., *Complete Works and Selected Letters*, in 2 vols., vol. 1, Moscow: Nauka Publ., pp. 320–338. (In Russian)

8. Gertsen, A. I. (1956), *On the development of revolutionary ideas in Russia*, in: Gertsen, A. I., *Writings*, in 9 vols., vol. 3, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., pp. 379–513. (In Russian)
9. Uvarov, S. S. (1833), *On some general principles that can serve as a guide when managing the Ministry of Public Education*. Available at: <http://museumreform.rf/node/13652> (accessed: 12.09.2021). (In Russian)
10. Maslin, M. A. (2019), At the origins of Eurasianism. To the 100th anniversary of the publication of the book of Prince Nikolai Trubetskoy “Europe and Humanity”, *Philosophical Journal*, vol. 12, no. 4, pp. 161–178. (In Russian)
11. Leont'ev, K. N. (2017), Cultural ideal and tribal politics. Letters to Mr. Astafyev, in: Leont'ev, K. N., *Griadushchie sud'by Rossii*, Moscow: E Publ., pp. 423–459. (In Russian)
12. Leont'ev, K. N. (1994), Panlslavism and the Greeks, in: *V poiskakh svoego puti: Rossiia mezhdru Evropei i Aziei, khrestomatiia*, in 2 vols., comp. by Fedorovskii, N. G., vol. 1, Moscow: Nauka Publ., pp. 245–248. (In Russian)
13. Riasanovsky, N. V. (1972), *Russia and Asia; essays on the influence of Russia on the Asian peoples*, Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, pp. 3–29.
14. Trubetskoi, N. S. (2000), A look at Russian history not from the West, but from the East, in: Trubetskoi, N. S., *Nasledie Chingiskhana*, Moscow: Agraf Publ., pp. 223–293. (In Russian)
15. Lamanskii, V. I. (1892), *Three worlds of the Asian-European continent*, St. Petersburg: Tipokhromolit. A. Transhel Publ. (In Russian)
16. Dostoevskii, F. M. (2002), Writer's Diary for January 1877 2, in: *Russkaia ideia: Sbornik proizvedenii russkikh myslitelei*, comp. by Vasil'ev, E. A., introd. by Gulyga, A. V., Moscow: Airis-press Publ., pp. 154–162. (In Russian)
17. Berdiaev, N. A. (1995), *The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar*, comp. by Alekseev, P. V., ed. by Medvedeva, R. K., Moscow: Respublika Publ., pp. 288–356. (In Russian)
18. Berdiaev, N. A. (1927) Utopian statism of Eurasians, *Put', pechatnyy organ russkoy religioznoy mysl*, no. 8, pp. 141–144. (In Russian)
19. Wiederkehr, Stefan (2007), *Die eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland, Beiträge zur Geschichte Osteuropas*, Bd. 39, Köln, Weimar, Wien: Böhlau, pp. 144–145.
20. Trubetskoi, N. S. (2000), On the idea of the ruler of an ideocratic state, in: Trubetskoi, N. S., *Nasledie Chingiskhana*, Moscow: Agraf Publ., pp. 518–525. (In Russian)
21. Trubetskoi, N. S. (2000), Is there a reaction at the door? The revolution? in: Trubetskoi, N. S., *Nasledie Chingiskhana*, Moscow: Agraf Publ., pp. 358–366. (In Russian)
22. Berdiaev, N. A. (1992), Soul of Russia, in: *Russkaia ideia*, comp. by Maslin, M. A., Moscow: Respublika Publ., pp. 296–312. (In Russian)
23. Berdiaev, N. A. (2022), *On the attitude of Russians towards ideas*. Available at: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdiayev/ob_otsnoshenii_russkikh_k_id/ (accessed: 01.15.2022). (In Russian)
24. Kaplin, A. (2012), Unremembered Ancestors of the Eurasians and Their Critics (or once again about the “imaginary “Turanism” of the Russians”), report at the conference “Ideology of the Eurasian Union” (St. Petersburg, may 15, 2012), *Russkaia narodnaia liniia*, May 28. Available at: https://ruskline.ru/analitika/2012/05/29/nevspotominaemye_predshestvenniki_evrazijcev_i_ih_kritiki_ili_ewe_raz_omnimom_turanizme_russkikh (accessed: 07.10.2020). (In Russian)
25. Trubetskoi, N. A. (2000), On the problem of Russia self-knowledge, in: Trubetskoi, N. S., *Nasledie Chingiskhana*, Moscow: Agraf Publ., pp. 91–219. (In Russian)
26. Halperin, Ch. J. (1982), George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia, *Slavic Review*, 1982, vol. 41, no. 3, pp. 477–493.
27. Trubetskoy N. S. (2000), We and others, in: Trubetskoi, N. S., *Nasledie Chingiskhana*. Moscow: Agraf Publ., pp. 395–411. (In Russian)

Received: June 2, 2022
Accepted: April 15, 2023

Author's information:

Peter Ya. Tsitkilov — Dr. Sci. in History, Professor; petrcitkilov@yandex.ru